

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

Жена
чайного
плантатора

Еще один великолепный
исторический роман Дайны
Джеффрис...

Goodreads

Колоритная, историчная, атмосферная, богатая
сюжетными изломами и поворотами, роскошная книга.

Sunday Express

Содержание

[Пролог](#)

[Часть первая. Новая жизнь](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Часть вторая. Тайна](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Часть третья. Борьба](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Часть четвертая. Правда](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[От автора](#)

[Благодарности](#)

DINAH
JEFFERIES

КНИГИ
ДАЙНЫ ДЖЕФФРИС

Когда начнутся
дожди

**Жена чайного
плантатора**

ДАЙНА
ДЖЕФФРИС

*Жена
чайного
плантатора*

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Dinah Jefferies
THE TEA PLANTER'S WIFE
Original English language edition first published
by Penguin Books Ltd, London
Copyright © Dinah Jefferies 2015
The author has asserted her moral rights
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко
Оформление обложки Виктории Манацковой
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Джеффрис Д.
Жена чайного плантатора : роман / Дайна Джеффрис ; пер. с англ. Е. Бутенко. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021.

ISBN 978-5-389-20140-8

16+

1920-е годы. Девятнадцатилетняя англичанка Гвен выходит замуж за Лоуренса, обаятельного владельца огромной чайной плантации на Цейлоне. Гвен приезжает к мужу, полная надежд и планов на будущее. Но жизнь на Цейлоне, вопреки ожиданиям, оказывается не столь радужной. Недовольство рабочих. Злопыхательство соседей. Козни невестки. Но самое главное — покрытая мраком история смерти первой жены Лоуренса. Почему все так старательно скрывают обстоятельства ее гибели? Кто похоронен в безымянной могиле в лесу? Столкнувшись с тайнами прошлого своего мужа, Гвен оказывается перед трудным выбором...

Запоминающийся, нежный портрет женщины, вынужденной выбирать между супружеским долгом и материнским инстинктом...

Впервые на русском!

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Издательство Иностранка®

Памяти моего сына Джейми

Пролог

Цейлон, 1913 год

Женщина поднесла к губам тонкий белый конверт. Она немного помедлила, прислушиваясь к мучительно сладким звукам играющей где-то вдалеке сингальской флейты. Повертела в голове свое решение, как перебирают гладкие камушки на ладони, потом запечатала конверт и приставила его к вазе с поникшими красными розами.

В ногах кровати с пологом стояла древняя оттоманка из темного дерева — боковины обтянуты атласом, мягкое кожаное сиденье. Женщина приподняла его, вынула из бельевого ящика свое свадебное платье цвета слоновой кости и накинула его на спинку стула, сморщив при этом нос от тошнотворного запаха нафталина.

Она выбрала розу, отломил цветок и взглянула на младенца, радуясь, что он все еще спит. Перед туалетным столиком она подняла цветок и приложила его к своим светлым волосам — он всегда говорил, что это такие тонкие шелковые нити, — потом встряхнула головой и отложила розу. Не сегодня.

На кровати беспорядочными кучками лежали детские вещи.

Кончиками пальцев женщина прикоснулась к свежестырированной кофточке, вспомнив, как вязала ее много часов, до рези в глазах. Рядом с одежками лежали листы белой папиросной бумаги. Не откладывая дольше, она свернула голубую кофточку, положила ее между двумя листами, отнесла к оттоманке и опустила на дно обитого цинком ящика.

Каждая вещь была аккуратно сложена, помещена между слоями бумаги и добавлена к остальным шерстяным шапочкам, пинеткам, распашонкам и комбинезончикам. Голубой. Белый. Голубой. Белый. Последними ей под руку попались пеленки и махровые подгузники. Убрав все, она удовлетворенно посмотрела на проделанную работу и, отменяя в сторону таящийся за ней смысл, не побледнела.

Еще один взгляд на трепещущие ресницы ребенка подсказал, что малыш скоро проснется. Нужно спешить. Для себя она выбрала платье из восточного шелка живых сине-зеленых оттенков, длиной чуть выше лодыжек, с завышенной талией. Это был ее любимый наряд, присланный из Парижа. Она была в нем на той вечеринке, после которой был зачат ребенок. Она помедлила. Не будет ли это расценено как попытка уязвить? Кто знает. Мне нравится цвет. Вот что она сказала себе. Прежде всего цвет.

Младенец захныкал и шевельнулся. Женщина взглянула на часы, вынула ребенка из кровати и села в кресло для кормления у окна, чувствуя, как легкий ветерок холодит кожу. Солнце стояло высоко, скоро наступит жара. Где-то в доме лаяла собака, с кухни несся упоительный запах стряпни.

Она распахнула халат, обнажив беломраморную грудь. Малыш потыкался носом и присосался к ней. Крепкие же у него челюсти, такие крепкие, что соски у нее потрескались и, чтобы выносить боль, приходилось закусывать губу. Желая как-то отвлечься, она оглядела комнату. В каждом углу застыли воспоминания в форме каких-нибудь вещей: резной стульчик для ног был привезен с севера; абажур лампы у кровати она расшила сама; ковер купили в Индокитае.

Она погладила малыша по щеке, он перестал сосать, поднял ручку и на один бесконечно прекрасный миг коснулся нежными пальчиками ее лица. Тут можно

было бы и расплакаться.

Спеленутого младенца она положила на постель, завернула в мягкую вязаную шаль, потом оделась сама, взяла его на одну руку и огляделась. Опустила свободной рукой сиденье оттоманки, бросила непригодившуюся розу в лакированную корзину для бумаг и провела ладонью по оставшимся в вазе цветам. С них посыпались лепестки, пролетели мимо белого конверта и упали, как брызги крови, на полированный пол красного дерева.

Она открыла французское окно и, окинув взглядом сад, трижды глубоко вдохнула напоенный ароматом жасмина воздух. Ветер стих, флейта умолкла. Она думала, что ей будет страшно, но вместо этого почувствовала долгожданное облегчение. Все, довольно. Она двинулась вперед, делая один за другим уверенные, твердые шаги, и, когда дом остался позади, представила себе самый нежный оттенок сиреневого — цвет спокойствия.

DINAH
JEFFERIES

Глава 1

*Двенадцать лет спустя.
Цейлон, 1925 год*

Держа в одной руке соломенную шляпку, Гвен прислонилась к просоленным перилам и снова глянула вниз. Она уже целый час следила за изменением цвета моря и проплывавшими мимо обрывками бумаги, апельсиновыми корками и листьями. Теперь вода из темно-бирюзовой стала грязно-серой, ясно, что осталось недолго. Она высунулась еще немного дальше за перила, чтобы проводить взглядом клочок серебристой обертки.

Когда зазвучал пароходный гудок — громкий, долгий и как будто прямо над ухом, — Гвен вздрогнула и от неожиданности выпустила поручни, за которые держалась. Маленькая атласная сумочка с изящным бисерным шнурком — прощальный подарок матери — выскользнула у нее из пальцев. Она ахнула и попыталась подхватить ее, но было поздно — сумочка полетела в океан, закружилась в мутной воде и пошла ко дну. А вместе с ней и деньги, и аккуратно сложенное письмо Лоуренса с инструкциями.

Гвен растерянно огляделась и ощутила очередной приступ беспокойства, от которого не могла избавиться с тех пор, как покинула Англию. «Из Глостершира дальше Цейлона не уедешь», — говорил отец. Его голос еще звучал в голове у Гвен, а она уже с испугом услышала другой, явно мужской, но необычайно ласковый:

— Впервые на Востоке?

Привыкшая к тому, что ее фиалковые глаза и светлая

кожа всегда привлекают внимание, Гвен обернулась и была вынуждена прищуриться от яркого солнечного света.

— Я... Да. Я еду к мужу. Мы только недавно поженились. — Она сделала вдох, чтобы остановиться и не выболтать сразу всю историю.

Широкоплечий мужчина среднего роста с крупным носом и блестящими глазами карамельного цвета смотрел прямо на нее. Его черные брови, курчавые волосы и темная гладкая кожа приковали к себе взгляд Гвен. Трепеща внутри, она не сводила глаз с незнакомца, пока тот не улыбнулся ей приветливо.

— Вам повезло. К маю на море обычно начинается штормить. Чайный плантатор, полагаю, — сказал мужчина, — ваш муж.

— Откуда вы знаете?

Он развел руками:

— Есть такой особый тип. — (Гвен посмотрела на свое бежевое платье с заниженной талией, высоким воротником и длинным рукавом. Ей не хотелось относиться ни к какому «типу», однако она поняла, что если бы не повязанный на шею шифоновый шарф, то вообще выглядела бы блекло.) — Я видел, что случилось. И сожалею о вашей сумочке.

— Да уж, такая глупость, — сказала Гвен, надеясь, что не краснеет.

Будь она немного больше похожа на свою кузину Фрэн, могла бы завести с незнакомцем беседу, но вместо этого, подумав, что их краткий разговор закончен, отвернулась и стала следить за приближением корабля к Коломбо.

Над мерцающим городом распростерлось кобальтовое небо, отчеркнутое от земли фиолетовыми холмами, под деревьями лежала густая тень, воздух звенел от криков чаек, круживших над скопищем маленьких лодок на воде. Возбуждение бурлило в Гвен — все было так

необычно. Она скучала по Лоуренсу и на мгновение позволила себе предаться мечтам о нем. Мечтать было легко, но реальность была такой захватывающей, что в животе у нее запорхали бабочки. Гвен сделала глубокий вдох, надеясь наполнить грудь соленым морским воздухом, и удивилась, ощутив запах чего-то более душистого, чем соль.

— Что это? — спросила она, повернувшись к незнакомцу, который — чувства ее не обманули — так и не сдвинулся с места.

Мужчина помедлил, принюхиваясь.

— Корица и, вероятно, сандаловое дерево.

— Тут есть что-то сладкое.

— Цветы жасмина. На Цейлоне много цветов.

— Как мило, — произнесла Гвен, тем не менее понимая, что это не все.

Сквозь соблазнительные ароматы пробивался запах какой-то тухлятины.

— Боюсь, еще пахнет канализацией.

Гвен кивнула. Вероятно, так и было.

— Я не представился. Меня зовут Сави Равасингхе.

— О... — Она помолчала. — Вы... то есть я не видела вас за обедом.

Он состроил гримасу:

— Вы имели в виду — не пассажир первого класса? Да. Я сингал.

До сих пор Гвен не замечала, что мужчина стоял по другую сторону каната, разделявшего классы.

— Что ж, очень приятно с вами познакомиться, — произнесла она, стягивая с одной руки белую перчатку.

— Я Гвендолин Хупер.

— Значит, вы новая жена Лоуренса Хупера.

Гвен потрогала крупный цейлонский сапфир на своем перстне и кивнула, слегка удивившись:

— Вы знаете моего мужа?

Сави наклонил голову:

— Я с ним встречался, да, а теперь, боюсь, мне пора идти. — (Она протянула руку, радуясь новому знакомству.) — Надеюсь, вы будете очень счастливы на Цейлоне, миссис Хупер. — Он будто не заметил ее протянутой руки, сложил ладони перед грудью пальцами вверх и слегка поклонился. — Пусть сбудутся ваши мечты... — Мгновение постоял с закрытыми глазами и ушел.

Гвен немного смутили его слова и странный прощальный жест, но, отягощенная более насущными проблемами, она лишь пожала плечами. Ей нужно постараться вспомнить указания Лоуренса из потерянного письма.

К счастью, пассажиры первого класса, а значит, и Гвен сходили на берег прежде других. Она подумала о своем новом знакомом и невольно почувствовала себя очарованной. Никогда еще не встречались ей столь экзотические люди. Было бы гораздо веселее, если бы он остался, чтобы составить ей компанию, хотя, конечно, это было невозможно.

Гвен оказалась совершенно не готовой к шоку от жгучей цейлонской жары, звенящих красок и контраста между яркостью света и глубиной теней. Шум обрушился на нее: колокольчики, гудки, людские голоса и жужжание насекомых — все это охватило ее, стало вертеться и кружиться вокруг, пока она не почувствовала себя одним из кусочков болтающегося на волнах плавучего мусора, за которыми наблюдала недавно с борта корабля. Вдруг общий гул перекрыл громкий трубный глас. Гвен обернулась и как зачарованная уставилась на деревянную пристань, где, задрав вверх хобот, стоял и мощно трубил слон.

Привыкнув к виду слона, Гвен отважилась зайти в здание администрации порта. Она договорилась насчет своего дорожного сундука и села на деревянную скамью

на улице. Влажно, жарко и душно. Кроме шляпки, защититься от солнца было нечем, да и ту приходилось время от времени использовать, чтобы смахивать со лба прилипчивых мошек. Лоуренс обещал приехать в порт, но пока его что-то было не видно. Гвен попыталась вспомнить, как он велел ей поступить в случае какой-нибудь непредвиденной ситуации, и тут снова увидела мистера Равасингхе, который появился из предназначенного для пассажиров второго класса выхода в борту судна. Избегая глядеть на него, она надеялась скрыть смущение: надо же было оказаться в таком глупом положении! Повернув голову в другую сторону, Гвен стала наблюдать за неуклюжей погрузкой ящиков с чаем на баржу в другом конце причала.

Запах канализации давно уже перекрыл пряный аромат корицы и теперь смешался с прочей мерзкой вонью: канатной смазкой, навозом, гниющей рыбой. И по мере того как причал заполнялся раздраженными пассажирами, которых осаждали торговцы и разносчики, предлагавшие самоцветы и шелка, Гвен начало подташнивать от нервного напряжения. Что она будет делать, если Лоуренс не приедет? Он обещал. Ей всего девятнадцать, и он знает, что она никуда не выезжала из поместья Оул-Три, разве что пару раз добиралась с Фрэн до Лондона. Чувствуя себя совсем одинокой, Гвен пала духом. Плохо было уже то, что Фрэн не смогла отправиться в путь вместе с ней: сразу после свадьбы Гвен ее кузину вызвал к себе адвокат. И хотя Гвен доверила бы Лоуренсу свою жизнь, она не могла не чувствовать себя немного расстроенной из-за сложившейся ситуации.

В толпе сновал целый рой полуголых смуглых ребятишек, которые совали пассажирам связки коричневых палочек и, глядя на них огромными молящими глазами, выпрашивали рупии. Мальчуган лет пяти протянул пучок корицы Гвен. Она поднесла его к

носу и понюхала. Ребенок заговорил, но для Гвен это была какая-то тарабарщина, и, к несчастью, у нее не было ни рупий, чтобы дать ему, ни английских денег.

Гвен встала и немного прошлась вокруг. Налетел короткий порыв ветра, и откуда-то издалека донесся тревожный звук: бум, бум, бум. «Барабаны», — подумала она. Били они громко, но не настолько, чтобы можно было отчетливо расслышать ритм. Гвен еще не успела далеко отойти от оставленного рядом со скамьей чемоданчика, как вдруг услышала оклик — ее звал мистер Равасингхе — и почувствовала, что на лбу у нее выступают капельки пота.

— Миссис Хупер, не оставляйте свои вещи без присмотра.

Она вытерла пот тыльной стороной ладони:

— Я слежу за ними.

— Люди бедны и готовы на все. Пойдемте, я отнесу ваш чемодан и найду вам более прохладное место для ожидания.

— Вы очень добры.

— Вовсе нет. — Он поддерживал ее за локоть только кончиками пальцев и прокладывал им путь по зданию портовой администрации. — Это Черч-стрит. А теперь взгляните вон туда — на самом краю Гордон-гарден растет *сурия*, или тюльпанное дерево, как его еще называют.

Гвен посмотрела. Толстый ствол был весь в глубоких складках, как женская юбка, а крона, усыпанная ярко-оранжевыми цветами в форме колокольчиков, давала какую-то странную огненную тень.

— Там будет немного прохладнее, хотя слепополуденная жара очень сильная и муссон еще не пришел, так что особого облегчения вы не получите.

— Вам и правда ни к чему оставаться со мной, — сказала Гвен.

Сави улыбнулся и прищурил глаза:

— Я не могу оставить вас здесь одну, без денег и совсем чужую в нашем городе.

Радясь его компании, Гвен улыбнулась.

Они прошли к указанному им месту, и она провела еще час, прислонившись к дереву, обливаясь потом, который струйками стекал по ее телу под одеждой, и размышляя, во что она ввязалась, согласившись жить на Цейлоне. Шум усилился, и хотя ее спутник, окруженный толпой людей, стоял близко, ему приходилось кричать, чтобы она его расслышала.

— Если ваш муж не появится к трем часам, надеюсь, вы не откажетесь от моего предложения перебраться в отель «Галле-Фейс». Там свежо, есть вентиляторы и прохладительные напитки, вам будет гораздо комфортнее.

Гвен заколебалась: ей не хотелось покидать ставшее уже привычным место.

— Но как Лоуренс узнает, что я там?

— Он поймет. Любой британец, кто бы он ни был, отправляется в «Галле-Фейс».

Она взглянула на внушительный фасад отеля «Гранд Ориентал»:

— Не туда?

— Определенно нет. Поверьте мне.

Ранний вечер пылал огненным светом, ветер дунул ей в лицо облаком песка, и по щекам ее заструились слезы. Гвен быстро заморгала, потом протерла глаза, решая про себя, можно ли доверять новому знакомому. Вероятно, он прав. На такой жаре и умереть недолго.

Неподалеку от того места, где она стояла, под рядами трепещущих белых лент, натянутых поперек улицы, сформировалась плотная толпа людей; мужчина в коричневой хламиде стоял среди группы женщин в цветастых одеждах и издавал какие-то повторяющиеся высокие звуки. Мистер Равасингхе заметил, что Гвен смотрит на эту сцену.

— Монах произносит *пиритху*, — сказал он. — Это делают, когда кто-нибудь умирает, чтобы обеспечить хороший уход. Тут, думаю, свершилось какое-то великое зло или, по крайней мере, смерть. Монах пытается очистить место от всякой оставшейся скверны, призывая милость богов. На Цейлоне мы верим в духов.

— Вы все буддисты?

— Я — да, но тут есть индусы и мусульмане.

— А христиане?

Сави медленно кивнул.

Когда и к трем часам Лоуренс не появился, мистер Равасингхе протянул ей руку и спросил:

— Ну что?

Гвен кивнула, и он кликнул рикшу, на котором были лишь тюрбан и грязная набедренная повязка. Взглянув на его худую спину, она содрогнулась:

— Я ни за что не поеду на этом.

— Вы предпочитаете повозку с волами? — (Посмотрев на кучу овальных оранжевых плодов, наваленных на телегу с огромными деревянными колесами и убогим навесом, Гвен почувствовала, что краснеет.) — Прошу простить меня, миссис Хупер, мне не следовало шутить над вами. Ваш муж использует повозки вроде этой для транспортировки ящиков с чаем. Мы поедем в маленькой коляске. Всего один вол и крыша из пальмовых листьев.

Гвен указала на оранжевые фрукты:

— Что это?

— Королевские кокосы. Только для сока. Хотите пить?

Хоть она и хотела, но все равно покачала головой. На стене прямо за спиной мистера Равасингхе висел большой плакат, на котором была изображена темнокожая женщина в красно-желтом сари, босоногая, с золотыми браслетами на лодыжках и желтым шарфом на голове. «Вкуснейший чай», — гласила надпись. Пальцы у Гвен стали липкими, и ее омыло волной

тошнотворной паники. Как же далеко она от дома!

— Вы сами видите, — говорил между тем мистер Равасингхе, — машин тут совсем мало, и рикша, определенно, довезет быстрее. Если вам это не нравится, мы можем подождать и я попытаюсь найти коляску с лошастью. Или, если вам так будет удобнее, могу поехать вместе с вами на рикше.

В этот момент откуда ни возьмись появилась большая черная машина, она гудками прокладывала себе путь, разгоняя пешеходов, велосипедистов, повозки, тележки и едва не наезжая на бесчисленных спящих собак. «Лоуренс», — с облегчением подумала Гвен, однако, бросив взгляд в проезжавшее мимо авто, увидела внутри только двух европейского вида женщин средних лет. Одна из них повернула голову и посмотрела на Гвен с выражением неодобрения на лице.

«Ладно, — мысленно сказала себе Гвен, решившись наконец, — рикша так рикша».

Несколько тощих пальм качались на ветру перед отелем «Галле-Фейс», а само здание смотрело в сторону океана очень по-британски. Когда мистер Равасингхе попрощался с Гвен изящным восточным жестом и теплой улыбкой, она с грустью посмотрела ему вслед, однако после этого бодро прошла мимо двух изогнутых лестниц и уселась ждать в относительной прохладе Пальмового фойе. Она мигом почувствовала себя как дома и закрыла глаза, радуясь, что можно хоть немного отдохнуть после мощной атаки на все ее органы чувств. Однако передышка едва ли продлится долго. Скоро, наверное, придет Лоуренс, а она сейчас далеко не в лучшей форме, ей хотелось бы произвести на мужа совсем другое впечатление. Не спеша выпив чашку цейлонского чая, Гвен окинула взглядом уставленный столиками и стульями зал с полированным тиковым полом. Приметила в углу скромную табличку,

обозначавшую, где находится дамская комната. В помещении с приятным запахом и множеством зеркал она умыла многократно отраженное в них лицо и протерла его туалетной водой «Après L'Ondée», флакон которой, к счастью, лежал в ее маленьком чемоданчике, а не в сумочке-утопленнице. Гвен чувствовала себя липкой от пота, текшего из-под мышек, но что поделаешь. Она аккуратно заколола волосы, свернув их в узел на затылке. Волосы, говорил Лоуренс, ее главное украшение, венец славы — длинные, черные, завивавшиеся кольцами, когда распущены. Один раз она обмолвилась, что собирается коротко подстричься, как Фрэн, в стиле эмансипе. Лоуренс ужаснулся, вытянул из ее прически завиток волос, а потом наклонился к ней и потерся подбородком о макушку. Затем поднес ладони к вискам Гвен, запустил пальцы в ее волосы, приподнимая их, и посмотрел ей в глаза:

— Никогда не обрезай их. Обещай мне.

Она молча кивнула, не в силах произнести ни слова. Щекотное прикосновение его пальцев пробудило в ней массу доселе не испытанных ощущений.

Их брачная ночь была бесподобной, так же как и вся следующая неделя. В последнюю ночь оба они не спали. Лоуренсу пришлось подняться с постели до зари, чтобы успеть вовремя добраться до Саутгемптона и сесть на корабль, шедший на Цейлон. Хотя он и жалел, что она не едет с ним, у него были дела, и они посчитали, что время разлуки пройдет незаметно. Он не возражал, чтобы Гвен осталась и подождала сестру, но сама она пожалела об этом, стоило Лоуренсу уйти, и с трудом представляла себе, как будет жить без него. Потом, когда Фрэн задержалась в Лондоне — она сдавала внаем какую-то недвижимость, — Гвен решила, что поедет одна.

Девушка весьма привлекательная, Гвен не испытывала недостатка в поклонниках, однако в Лоуренса

влюбилась с первого взгляда, как только увидела его на музыкальном вечере в Лондоне, куда ее привезла Фрэн. Стоило ему улыбнуться и подойти к ней с намерением представиться, как она пропала. После этого они встречались каждый день, и когда он сделал ей предложение, она подняла к нему пылающее лицо и без колебаний ответила: «Да». Ее родители не слишком обрадовались, что тридцатисемилетний вдовец захотел жениться на их дочери. Отца пришлось даже немного поугovarивать, однако его впечатлило предложение Лоуренса оставить вместо себя на плантации управляющего и вернуться жить в Англию. Гвен и слушать не хотела об этом. Если сердце Лоуренса принадлежало Цейлону, значит и ее сердце приютится там же.

Закрыв за собой дверь дамской комнаты, Гвен увидела Лоуренса — он стоял к ней спиной в просторном холле, — и у нее перехватило дыхание. Она потрогала ожерелье на шее, поправила центральную бусину в форме капли, чтобы висела прямо посередине, и, ошеломленная наплывом чувств, замерла на месте, впитывая в себя образ мужа — высокого, широкоплечего; волосы короткие, светло-каштановые, с легкой проседью на висках. Выпускник Винчестерской школы, Лоуренс Хупер выглядел так, будто уверенность текла у него по венам. Это был человек, которого обожали женщины и уважали мужчины. Тем не менее он читал Роберта Фроста и Уильяма Батлера Йейтса. Гвен любила его за это и за то, что он уже знал: она была далеко не той скромной девушкой, какой ее считали посторонние.

Лоуренс словно почувствовал на себе взгляд жены и обернулся. В его огненных карих глазах промелькнуло облегчение, а лицо расплылось в улыбке, и он размашистым шагом направился к ней. Гвен находила особенно неотразимыми его точеные скулы и

подбородок с ложбинкой, так же как и волосы, которые двумя пышными волнами были зачесаны назад и завихрялись на сдвоенной макушке. Так как Лоуренс был в шортах, Гвен увидела его загорелые ноги, в целом он выглядел гораздо более запыленным и потрепанным, чем в прохладе английского загородного дома.

Загоревшись энергией, Гвен бросилась навстречу мужу. Он мгновение подержал ее на расстоянии вытянутых рук, а потом по-медвежьки обнял, обнял так крепко, что она едва могла дышать, и закружил. Сердце у Гвен продолжало колотиться, даже когда он наконец отпустил ее.

— Ты не представляешь, как я скучал по тебе, — хрипловатым низким голосом сказал Лоуренс.

— Как ты узнал, что я здесь?

— Спросил управляющего портом, куда отправилась самая красивая на Цейлоне женщина.

— Это очень мило, — улыбнулась Гвен, — но, конечно, не про меня.

— Одна из самых восхитительных черт в тебе — та, что ты даже не представляешь, как хороша. — Он взял ее руки в свои. — Прости, что опоздал.

— Это не беда. Обо мне позаботился один человек. Он сказал, что знает тебя. Мистер Равасингхе — так, кажется, его зовут.

— Сави Равасингхе?

— Да. — Гвен ощутила покалывание сзади на шее.

Лоуренс нахмурился и прищурился, отчего стали глубже преждевременные морщины, веером расходившиеся по его лбу. Гвен захотелось прикоснуться к ним. Ее супруг успел пожить, и от этого ее влекло к нему еще сильнее.

— Ну ничего, — сказал Лоуренс, быстро возвращаясь к хорошему настроению. — Теперь я здесь. Проклятая машина сломалась. К счастью, Нику Макгрегору удалось ее починить. Назад ехать уже поздно, так что я

закажу нам номер.

Они направились к стойке регистрации. Закончив переговоры с клерком, Лоуренс наклонился к Гвен, и, когда его губы коснулись ее щеки, у нее вырвался легкий вздох.

— Твой сундук доставят поездом, — сказал он. — По крайней мере, до Хаттона.

— Знаю. Я говорила с одним человеком в администрации порта.

— Хорошо. Макгрегор организует, чтобы какой-нибудь кули привез его со станции на воловьей повозке. Тебе хватит вещей в этом чемоданчике до завтра?

— Вполне.

— Хочешь чая?

— А ты?

— Сама как думаешь?

Гвен искоса глянула на него и улыбнулась, подавив невольный порыв рассмеяться во весь голос, а Лоуренс попросил клерка, чтобы их багаж быстро отнесли в номер.

Взявшись за руки, они стали подниматься по лестнице, но на повороте Гвен вдруг оробела. Лоуренс оставил ее и пошел вперед, отпер и распахнул дверь.

Гвен преодолела последние ступеньки и заглянула внутрь.

В высокие окна лился свет вечернего солнца, придавая стенам нежно-розовый оттенок; по обеим сторонам от кровати уже горели две лампы с расписными подставками в виде ваз; в комнате пахло апельсинами. Глядя на эту столь явно интимную обстановку, Гвен почувствовала прилив тепла на затылке и помассировала там кожу. Момент, столько раз рисовавшийся ей в воображении, наконец настал, а она нерешительно застыла на пороге.

— Тебе не нравится? — спросил Лоуренс, при этом глаза его сияли; Гвен ощутила биение пульса в горле. —

Дорогая?

— Мне очень нравится, — выдавила она.

Он подошел и распустил ее склотившиеся шпильками волосы:

— Вот. Так лучше. — (Гвен кивнула.) — Сейчас принесут наши вещи. Думаю, у нас есть немного времени, — сказал Лоуренс и прикоснулся кончиком пальца к ее нижней губе, но тут как по команде раздался стук в дверь.

— Я открою окно, — пролепетала Гвен и отступила назад, радуясь, что подвернулся предлог не выказывать перед коридорным своего глупого волнения.

Окно выходило на океан, и Гвен, открыв его, увидела серебристо-золотую рябь — солнце цепляло лучами верхушки волн. Да, именно этого она хотела, но неужели они с Лоуренсом провели вместе неделю в Англии? И дом остался так далеко. Эта мысль привела Гвен на грань слез. Она с закрытыми глазами слушала, что происходит в номере: коридорный внес багаж и ушел. Тогда Гвен оглянулась через плечо на Лоуренса.

Он криво улыбнулся ей:

— Что-нибудь не так? — (Понурился плечи, она уставилась в пол.) — Гвен, посмотри на меня.

Она часто заморгала, и в комнате воцарилась тишина. Мысли роились у нее в голове, она подыскивала слова, чтобы объяснить свое ощущение, будто ее катапультной забросили в совершенно незнакомый мир, хотя дело было не только в этом — чувство, что она стоит перед ним голая, тоже нервировало. Пытаясь побороть смущение, Гвен подняла глаза и очень медленно сделала несколько шагов к мужу.

Он вздохнул с облегчением:

— Я уже стал беспокоиться.

Ноги у нее задрожали.

— Я веду себя глупо. Все так ново... Ты такой новый.

Лоуренс улыбнулся и подошел к ней:

— Ну, если дело лишь в этом, то мы все легко поправим.

Гвен прильнула к нему, чувствуя головокружение, а он стал возиться с застежкой на спинке платья.

— Давай я, — сказала она и, запустив руку назад, сняла с пуговицы петельку. — Тут нужна сноровка.

— Придется мне поучиться, — засмеялся Лоуренс.

Час спустя Лоуренс уже спал. Подпитанная долгим ожиданием, их любовная близость была еще более пылкой, чем в брачную ночь. Гвен вспомнила свое прибытие на Цейлон: казалось, жаркое солнце Коломбо высосало из ее тела всю энергию. Она ошиблась. Энергии у нее осталось в избытке, хотя сейчас, лежа и прислушиваясь к ниточкам звуков, тянувшихся из внешнего мира, Гвен ощутила тяжесть в руках и ногах и готова была провалиться в сон. Она начала сознавать, как естественно ей лежать рядом с Лоуренсом, и, улыбнувшись при мысли о своей прежней нервозности, устроилась поудобнее, чтобы смотреть на мужа и ощущать тепло его тела в тех местах, где он словно приклеился к ней. Очищенная от всех прочих эмоций, ее любовь целиком перетекла в этот прекрасный момент. Все будет хорошо. Еще минуту или две она вдыхала мускусный запах Лоуренса, следя за тем, как тени в комнате удлиняются. Затем они быстро растворились в темноте; Гвен глубоко вдохнула и закрыла глаза.

Глава 2

Два дня спустя Гвен на заре разбудил солнечный свет, бивший в комнату сквозь муслиновые занавески. Она сразу подумала о завтраке с Лоуренсом, после которого должен состояться грандиозный тур по поместью. Сев на краю постели, она расплела косы, потом спустила ноги на пол, и они утонули в мягком меховом ковре. Она глянула вниз и пошевелила пальцами в пушистой белизне: интересно, какому зверю принадлежала эта шкура? Встав с постели, она накинула бледно-розовый халат, заботливо повешенный кем-то на спинку стула.

Они прибыли на плантацию рядом с горной деревушкой накануне вечером, как раз перед заходом солнца. С раскалывавшейся от усталости головой, ослепленная яростными пурпурно-красными красками заката, Гвен рухнула в постель.

Теперь она по дощатому полу подошла к окну и раздвинула шторы. Глубоко вдохнула, вглядываясь в первое утро своего нового мира, и прищурилась от его яркости, оглушенная шквалом жужжания, свиста и чириканья.

Перед ней тремя террасами спускался вниз по склону холма к озеру цветущий сад с дорожками, лесенками и притулившимися под деревьями скамьями. Такого прекрасного, сверкавшего серебром озера Гвен никогда еще не видела. Все воспоминания о вчерашней автомобильной поездке с ужасающе крутыми, как изгиб шпильки для волос, поворотами, глубокими ущельями и тошнотворными толчками на ухабах моментально смыло. За озером поднимались вверх по склону и окружали зеркало воды ковром зеленого бархата

длинные ряды чайных кустов, такие ровные и симметричные, будто их простегали нитью. Среди них сборщицы чая в ярких сари уже занимались своим кропотливым делом. Издали они напоминали вытканых на ковре разноцветных птиц, застывших на миг, прежде чем схватить что-нибудь в клюв.

Под окном спальни росло грейпфрутовое дерево, а рядом с ним еще одно, которое Гвен не могла опознать, но на нем висели ягоды вроде вишен. Надо бы нарвать их к завтраку, решила она. На столике внизу сидело какое-то маленькое создание — не то мартышка, не то сова — и смотрело на нее круглыми как блюда глазами. Гвен оглянулась на огромную кровать с пологом, завешенную москитной сеткой. Атласное покрывало на одной стороне постели было едва смято, и она подумала: странно, что Лоуренс не присоединился к ней. Вероятно, он хотел дать ей спокойно выспаться после поездки и ушел в свою комнату. Услышав скрип открываемой двери, Гвен повернула голову:

— О, Лоуренс, я...

— Леди. Вы должны знать. Я Навина. Здесь, чтобы служить вам.

Гвен уставилась на низенькую коренастую женщину, одетую в длинную сине-желтую юбку с запахом и белую блузу, и отметила про себя, что она немолода: седеющая коса до самого пояса, круглое лицо, сплошь покрытое морщинами, и бесстрастные глаза с темными кругами под ними.

— Где Лоуренс?

— Хозяин на работе. Два часа, как ушел.

Гвен, расстроенная, отошла от окна и села на постель.

— Вы хотите завтрак там? — Служанка указала на маленький столик за окном. Последовала пауза, в продолжение которой женщины смотрели друг на друга. — На веранде?

— Я бы хотела сперва умыться. Где тут ванная?